

УДК 316.37; 993.26

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-4

Оригинальная статья

Рязанова С. В.

Уход священников из РПЦ как внутри-
и внецерковная проблема: провинциальный кейс

Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН,
улица Ленина, дом 13А, Пермь, 614990, Россия
svet-ryazanova@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуальной для Русской православной церкви Московского патриархата проблеме отказа священников от служения. Отправной точкой исследования является локальный случай ухода клирика из-под юрисдикции Пермской епархии и создания им независимой религиозной общины. Целью исследования является выявление специфики ухода священников из официальной церкви, а основными задачами – выявление основных причин эскапизма, установление типических и специфических черт этого процесса и помещение его в канонический и внутрицерковный контекст. Методологически автор опирается как концепцию «лоскутной» религиозности К. Добеллара, теорию рационального выбора веры Р. Кисалы и концепцию фиксации религии в индивидуальном сознании Т. Асада. В качестве методов анализа полученных данных был выбран биографический метод, позволяющий установить мотивы поведения индивида и объективная герменевтика, основанная на использовании сиквенс-анализа, что позволяет максимально объективно интерпретировать нарративы. Источниками для исследования послужили материалы, полученные в ходе использования серии глубинных интервью с героем повествования, полуструктурированных интервью с его коллегами, проведения включенных наблюдений и анализа текстов выступлений пермских епископов и публикаций в СМИ. Анализ биографии героя в сопоставлении с реалиями церковной жизни Пермской митрополии показал, что исследуемый случай является типичным в отношении породивших его предпосылок и причин. Триггером для развертывания описываемой ситуации становится личный и служебный кризис священника, возникающий в результате сочетания давления со стороны церковного начальства, большого объема литургической и хозяйственной деятельности, интенсивной психологической нагрузки и низкого уровня жизни. Дополнительным стимулом для выхода из аффилиации РПЦ МП становится возможность самостоятельно конструировать путь духовного поиска и особенности религиозного поведения в сочетании с юридической свободой вероисповедания. Существование вне церкви как системы определяется не кризисным состоянием церкви как института, а психологическими особенностями индивида и его готовностью к независимой религиозной жизни.

Ключевые слова: современное православие; Пермская митрополия, уход из церкви; личный кризис

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания № 124021400020-6, «Многоуровневая политика институциональное и социокультурное измерения».

Информация для цитирования: Рязанова С. В. Уход священников из РПЦ как внутри- и внецерковная проблема: провинциальный кейс // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 227-241. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-4.

Original article

Svetlana V. Riazanova

The departure of clergy from the Russian Orthodox Church as an internal and external challenge: a provincial case study

Institute for Humanitarian Research, Perm Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
13A Lenin St., Perm, 614990, Russia
svet-ryazanova@yandex.ru

Abstract. This study examines the issue of priests refusing to serve, a pressing issue for the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. The starting point is a local case of a cleric leaving the jurisdiction of the Perm Diocese and establishing an independent religious community. The aim of the study is to identify the specifics of priests leaving the official church, with the primary objectives being to identify the root causes of escapism, establish the typical and specific features of this process, and place it within the canonical and intra-church context. Methodologically, the author draws on K. Dobellar's concept of “patchwork” religiosity, R. Kisala's theory of rational choice, and T. Asad's concept of the fixation of religion in the individual consciousness. The methods chosen for analyzing the data obtained include a biographical method, which allows for the identification of individual motives, and an objective hermeneutic approach based on sequencing analysis, which allows for the most objective interpretation of narratives. The study's sources included materials obtained through a series of in-depth interviews with the subject, semi-structured interviews with his colleagues, participant observation, and analysis of speeches by Perm bishops and media publications. An analysis of the subject's biography in relation to the realities of church life in the Perm Metropolitanate revealed that the case under study is typical in terms of its underlying causes and circumstances. The trigger for the unfolding of the described situation is the priest's personal and professional crisis, arising from a combination of pressure from church authorities, a large volume of liturgical and economic activities, intense psychological stress, and a low standard of living. An additional incentive for leaving the affiliation with the Russian Orthodox Church (MP) is the specific nature of contemporary culture, which allows for independent development of the path of spiritual search and the characteristics of religious behavior. Existence outside the church as a system is determined not by the crisis of the church as an institution, but by the psychological characteristics of the individual and their readiness for an independent religious life.

Keywords: contemporary Orthodoxy; Perm Metropolitanate; leaving the church; personal crisis

Acknowledgements. The study was carried out as part of the state assignment No. 124021400020-6, “Multilevel Policy: Institutional and Sociocultural Dimensions”.

Information for citation: Riazanova, S. V. (2026), “The departure of clergy from the Russian Orthodox Church as an internal and external challenge: a provincial case study”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (3), 4- . DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-4.

Введение (Introduction). Витальность является неотъемлемым качеством религии как социального института, что подтверждается не только ее непреходящей актуальностью для общественной жизни, но эффективной адаптацией ее элементов к современной культурной ситуации. Одним из таких элементов становится фигура клирика, который, будучи значимой частью церковной структуры, оказывается способным самостоятельно определять стратегию поведения внутри церкви и за её пределами. Поэтому представляется актуальным рассмотреть феномен ухода священников за рамки структуры РПЦ МП, выбрав в качестве отправной точки казус священника, покинувшего Пермскую епархию и основавшего самостоятельную общину. Целью исследования стало установление мотивов и причин эскапизма православных священников, специфически этого процесса и его социального контекста с опорой на социологические концепции К. Добеллара, Р. Кисалы и Т. Асада. В качестве источников использованы глубинные интервью с главным героем, полуструктурированные интервью с другими религиозными деятелями региона, включенные наблюдения, тексты, опубликованные православной церковью. Анализ полученных данных основан на биографическом и объективно-герменевтическом подходах, с элементами сиквенс-анализа. Анализ биографии героя был проведен через соотнесение с аналогичными кейсами Пермской епархии/митрополии и сопоставление данных по другим регионам, что позволило отнести рассматриваемый случай к типичным. Ключевой причиной ситуации были определены личностный и профессиональный кризис священника, вызванный большой физической и психологической нагрузкой, проблемами в литургической сфере и реалиях экономики. Сложившуюся ситуацию было предложено рассматривать не как характерную именно для православных священников, а имеющую отношение ко многим провинциальным служителям церкви и подкрепленную принципом свободы выбора вероисповедания и психологической готовностью конструировать свою религиозную жизнь.

Методология и методы (Methodology and Methods). На заседании Экспертного совета по делам религиозных объединений Министерства юстиции Пермского края осенью 2024 года присутствующие разговорились о том, что количество религиозных организаций не уменьшается, и возникают совершенно неожиданные. Сотрудник Пермского епархиального управления неожиданно пожаловался на то, что у митрополии проблемы с одним из священников, который по своей инициативе отказался от своего места на приходе, вышел из-под юрисдикции РПЦ МП и создал собственную религиозную общину. Подобная эскапада клирика показалась мне примечательной, и я начала наводить справки. Достаточно быстро у меня получилось найти страницу непокорного батюшки в контакте и договориться об интервью. Мне повезло, поскольку одно глубинное интервью повлекло за собой второе и приглашение посетить домовую церковь, вокруг которой сейчас служит опальный клирик и консолидируется новое религиозное сообщество. Появилась возможность из первых рук узнать, что вызвало уход из официальной церковной структуры и попытаться понять, насколько эта ситуация и повлиявшие на ее формирование факторы являются типичными, по крайней мере, для региона верхнего Прикамья. Этими обстоятельствами была определена цель работы – выявление специфики эскапизма клириков РПЦ МП, предполагающая решение следующих задач: установление причин и мотивов выхода из церковной структуры, выделение черт общего и особенного в осуществлении такого выбора священником; соотнесение сложившейся ситуации с каноническими нормами и реалиями церковной жизни.

Теоретический каркас работы сложился благодаря выходу ряда работ, рассматривающих принципы формирования религиозного пространства в настоящее время. Это концепция произвольного конструирования индивидом религиозности по принципу «пэчворка» (Dobbelaere, 2004; Рязанова, 1998), что влияет на выбор религиозной аффилиации и восприятие религиозных институтов; теория рационального выбора веры городским населением (Kisala, 2004) и концепция фиксации места религии в индивидуальном сознании вне сохранения ее сущности (Asad, 2008).

В качестве практической методики для исследования мною был выбран биографический метод, относящийся к методам качественного исследования в социологии (Ковалев, Штейнберг, 1999: 23) и предполагающий различные способы анализа истории жизни индивида. Такой подход был разработан представителями Чикагской школы как позволяющий через жизненный путь индивида делать обобщения по отношению к целым социальным группам. Исследованию подвергаются доступные для ознакомления периоды жизни персонажа, позволяющие выделить общее и особенное в конкретной биографии. Верность качественному подходу предполагает использование интервью, позволяющее объяснить мотивы действий и намерений через коммуникативное взаимодействие с субъектом. Связь с отдельным индивидом позволяет включать биографический метод в рамки изучения case studies, а способ получения информации связывает его с практиками устной истории. Когнитивным ограничением метода является получение информации напрямую от «субъекта жизнеописания», что увеличивает степень субъективности повествования. Поэтому в качестве верифицирующих могут быть использованы другие данные о персонаже, его личные вещи, обстановка, в которой он живет, личная страница в социальных сетях.

Для анализа окружающей обстановки используется метод включенного наблюдения, с одной стороны дающий возможность максимально близко познакомиться со сферой жизни героя, с другой – создающий ряд проблем для стороннего наблюдателя. Это проблемы методического характера, связанные с особенностями интерпретации поведения наблюдаемых: это диспропорция интуиции исследования и производимого им действия, когда не совпадают ощущения намеревающегося действовать и субъекта воздействия (Johnson, 1992), ограниченность самого метода (ограничение мобильности наблюдателя, присутствие в одной точке исследуемого пространства, опасность выделиться, проблема сроков пребывания в группе и провал статуса так называемого «полного участника») (Waddington, 2004). Преодоление этих недостатков методики компенсировалось обращением к нарративам разного рода.

Изучение нарративов интервью и содержания страницы в социальных сетях основан на качественном анализе содержания с выделением смысловых блоков и отдельных предложений, которые потом интерпретировались с элементами герменевтического вживания на основах принципа т. н. объективной герменевтики (Oevermann, Allert, Konau, Krambeck, 1979), примененной через использование сиквенс-анализа (Krech, Rademacher, 2021). Объективность герменевтики предполагает интерпретацию вне контекста, но с учетом взаимодействия субъектов коммуникации, с использованием принципов буквальности, последовательности, экономичности и возможности расширительной трактовки данных. Интерпретация кейса осуществлялась через структурирование и оценивание данных (Mayring, 1983).

В качестве источниковой базы исследования были использованы, помимо уже упомянутых глубинных интервью, данные включенных наблюдений, интервью с другими священниками (2014-2018 гг.) из личного архива автора, а также материалы, предоставленные пермским журналистом В. В. Бисеровым, освещающим религиозную проблематику на уровне региона последние тридцать лет. Интервью кодируются по номерам с целью сохранения анонимности респондентов. С согласия главного героя указывается его личное имя, биографические данные, даты интервью с инициалами.

Эскапизм отца Глеба Палкина как локальный случай. Респондент рассказывает об этом достаточно подробно. Придя к вере уже юношеском возрасте, отец Глеб принял сан по совету одного из местных священников: «Я пришел простить благословение повенчаться <...> Он говорит: «Хорошо, ты тогда идешь учиться, будешь священником, и она будет твоей <...> матушкой». <...> Я 1975 года рождения, в 1998 было рукоположение» (Интервью с Г. П. 18.12.2024). Стоит обратить внимание на то, что изначально сан не был

личным запросом молодого человека. После короткого заочного обучения – «по такому лайт-режиму» (Интервью с Г. П. 18.12.2024), – новорукоположенный священник начал служить: «я приклеил <...> к лобовому стеклу магнитик, а лобового стекла не было (Интервью с Г. П. 20.12.2024) (имеется в виду недостаточная подготовка – С.Р.). Путь служения оказался типичной для провинциального священника: до назначения в деревню Волеги «начал в Майском служить <...> и в Чайковской немножко послужил (поселки в Пермском крае – С.Р.) <...> Сначала в подвале служили под библиотекой, потом начали во временном помещении <...> Потом построили храм» (Интервью с Г. П. 18.12.2024). Дополнительная нагрузка возникала из-за финансовых обязательств перед епархией, спускаемых сверху: «я вынужден был количество этих свечей, ведь я их закупая, учитывать <...> отчитываться в епархию по их ценам <...> я их обязан был закупить. <...> Не сколько я хотел, а сколько я должен был. Книги я должен был закупить» (Интервью с Г. П. 18.12.2024). Внутрицерковная бюрократия и поддержание иерархических отношений также требовали дополнительных усилий: «она (бюрократия – С. Р.) очень много занимает. Она нервы занимает, 100%, убивает, а занимает, наверное, половину <...> работы <...> вот как будто ты духовной вроде как будто занимаешься <...> но человек пришел, ты его начинаешь спрашивать кто он, чего вообще ему надо, как он это все понимает. Да давай ты сначала правильно пойми <...> формальности пройди. Только потом мы с тобой причастимся. А потом ты когда причастишься, я тебя еще в книжку запишу» (Интервью с Г. П. 20.12.2024). Большой объем хозяйственной деятельности, с одной стороны, сочетался с литургической практикой, а с другой – с отсутствием психологической поддержки: «Среди священства <...> я понимаю, что есть друзья <...> ты все равно неспокойно живешь и поэтому ты либо можешь действительно довериться, сказать, что этот архиерей, он такая собака, и так поговорить, но это не дружба» (Интервью с Г. П. 18.12.2024). Постоянное психологическое напряжение превратилось в невроз – «вообще там на разрыв, просто душа вся вот так вылетает» (Интервью с Г. П. 20.12.2024), на который накладывается профессиональное выгорание: «он не имеет права этим поделиться <...> Он в напряжении общения <...> жена у него тоже <...> и дети плюс <...> И “Батюшка, покрести” <...> но я ж не могу тебя покрестить, ты же должен пройти курсы <...> там что-то прочитать <...> тогда и начинается вот это все» (Интервью с Г. П. 20.12.2024). В этом сумбурном повествовании содержится вся история разочарования клирика.

Поводом к разрыву с официальной церковью стала пандемия: «я онлайн-службу проводил, как ковид начался. <...> И это увидели люди, которые считают себя очень грамотными, <...> и начали, видимо, жаловаться. <...> в ответ на это меня решили «подстрогать». <...> А я-то уже изменился, я оттуда не уходил, потому что, ну, ты видишь в людях, в каждой бабушке бабушку свою родную, в каждом этом ты видишь своего родного сына. <...> И как ты оттуда уйдешь» (Интервью с Г. П. 18.12.2024). Как видно из рассказа, изначально священник не планировал покинуть церковь, внося коррективы в литургию на месте: «начали пытаться перевести куда-то в наказание за что-то <...> я уже начал переделывать слова и перестал там поминать архиереев» (Интервью с Г. П. 18.12.2024). Позже нажим сверху и высокий уровень нервного напряжения привел клирика к радикальным решениям: «Меня никто не выгонял <...> я просто встал и ушел <...> И следующую службу я просто не пришел» (Интервью с Г. П. 18.12.2024) и формированию своей общины в той же деревне.

Спонтанное решение благодаря особенностям характера быстро превратилось в рационально-осознанное: «я не мог говорить какие-то вещи, <...> которые просто уже коробили <...> мне предъявили то, что я немножко позабыл, чему меня в семинарии учили. <...> мне просто показали, насколько это вообще просто система не имеет общего, не то, что с христианской, просто с человеческими какими-то вещами <...> Священник —

это просто скот, которого хозяин за поводок ведет десятки лет <...> это должно все равно как-то <...> сформироваться что ли, до какого-то решения <...> Когда ты лежишь, действительно понимаешь, что вот у тебя сосед помер, задохнулся, и ты тоже можешь так же задыхаться, начать и помереть точно так же. Ты просто думаешь, зачем я занимаюсь в жизни вообще? Тем, что мне не доставляет не то, что радости, но просто каждый раз переступаешь через себя, делаешь то, что ты не хочешь и знаешь, что это вообще бессмыслица» (Интервью с Г. П. 20.12.2024).

Кризис отца Глеба в отношении с церковью стоит особняком потому, что инициатива разрыва с митрополией исходила от него самого и не оставила сожалений о сделанном, несмотря на сопутствующие трудности: *«я здесь нахожусь <...> год за пять идет <...> ты видишь это изнутри <...> ты в этом задыхаешься <...> Я понимаю, почему я оставался. Ради людей <...> которых часть как бы со мной пошла, а потом уже их испугали разными сказками <...> Вот я третий год <...> в Волигах <...> тут получилось как-то кусок земли <...> купить, вот и как бы начал служить <...> в домовом храме <...> перешли служить домой, потому что я уже понял, что людей всех разогнали <...> а перспектив нет» (Интервью с Г. П. 18.12.2024).* Отец Глеб проводит регулярные службы по своим правилам, активно помогает прихожанам и содержит себя и жену на скудные пожертвования. Его первоочередной задачей стало стремление выжить как руководителю религиозной группы и не потерять себя как человека.

Внутрицерковный контекст проблемы. Описанный случай представляется не исключительной патологией, а логическим следствием идущих в церкви процессов. Разрушенная система воспроизводства духовенства к концу 1980 гг. сформировала катастрофическую кадровую ситуацию. Кадровый голод был паллиативно компенсирован клириками разного уровня подготовки – как в образовательном, так и в психологическом плане. В Прикамье эта ситуация усугубилась внутрицерковной политикой. Архиепископ Афанасий (Кудюк) (до марта 2002 г.) управлял по советским образцам, трактуя власть как давление. Активные и инициативные священники, популярные у интеллигенции, как правило, запрещались в служении: отец Виктор Норин был переведен на другой приход за участие в Российском христианском демократическом движении¹, настоятель Белогорского монастыря игумен Даниил Ишматов был отправлен в отставку за якобы допущенные финансовые нарушения², архимандрит Вениамин Трепалюк обвинен в медленном восстановлении монастыря³.

Новый владыка Иринарх (Грезин) (2002-2010 гг.) поставил задачу «перестроиться и создать все необходимые структуры для полноценного служения церкви в обществе»⁴, продекларировав, что епархии «нужны и люди, способные объяснить современное видение православия»⁵. В новой кадровой политике была сохранена практика перестановок, подаваемых как институциональная необходимость: «ряд клириков за период истекших десяти-пятнадцати лет были либо запрещены в священнослужении, либо почислены в заштат без права служения в Пермской епархии за нарушение канонических норм Православной Церкви, а также за проявленные своеволие, пагубную вседозволенность и грубый отказ

¹ Щипков А. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. URL: http://www.religare.ru/2_7152.html (дата обращения: 13. 06. 2016).

² Официальный сайт Епископа Пермского Иринарха http://www.bishop-irinarkh.ru/index.php?catid=37:2011-06-10-11-56-13&id=192:-1984-2002&Itemid=44&option=com_content&view=article (дата обращения: 02. 06. 2016).

³ Черные тучи над Белой горой. Интервью с отцом Вениамином (Трепалюком). URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-219541.html> (дата обращения 13. 06. 2016).

⁴ Интервью отца Алексея Марченко В. Бисерову по поводу статьи Вольдемара Пырскова. (Из архива автора).

⁵ Интервью с епископом Иринархом в 2007 г. на радио «Эхо Перми». URL: <http://www.permnews.ru/арх/архат.asp?kod=9031&avt=231> (дата обращения: 04. 04. 2006).

подчиняться распоряжениям Правящего Архипастыря»¹. Освобождаются от должности клирики, поддерживавшие Афанасия (настоятель Свято-Троицкого Стефанова монастыря Стефан Сексяев), на должности ставятся ранее критикуемые (благочинный Кунгурского округа Олег Ширинкин). Запрещаются в служении те, кто является «разрушителем мира и внутреннего церковного единства»²: последователи бывшего епископа Анадырского и Чукотского Диомида, лица, желающие видеть на посту владыки другого священнослужителя³, популярные у прихожан клирики⁴, если они «дерзают перечить, а порой и сознательно препятствуют становлению нового качества епархиального церковного бытия»⁵, являются «разрушителями мира и внутреннего церковного единства»⁶.

Переводы священников обосновываются тем, что «их способности будут раскрыты и востребованы с наибольшей полнотой»⁷. Об интенсивности перестановок говорит статистика: «В 2002-2003 годах мною были почислены в заштат <...> Не много не мало – 11% численного состава епархии. <...> Всего совершено 50 хиротоний... эти новые кадровые приобретения вновь не смогли покрыть объема потерь духовенства, выбывшего из состава Пермской епархии по дисциплинарным и иным причинам. <...> В 2006-2008 годах решением Епархиального совета и моими Указами были выведены в заштат 16 клириков, запрещены в священнослужении 11 клириков Пермской епархии. Принят из другой епархии только 1 клирик»⁸.

Сам епископ отмечал, что порицанию подвергались священники с низким уровнем образования: «Переберите на память имена священников, которые доставляли не малые проблемы в епархиальной жизни и вы убедитесь, что все они не имели духовного образования <...> те из священнослужителей, которые получили духовное образование <...> они понимали, о чем с ними идет речь и, принеся раскаяние в содеянном, вновь возвращались к священнослужению»⁹. Еще одной причиной отставок и новых назначений становится избыточная самостоятельность церковных низов: «до сих пор до конца не решена проблема с разрозненностью группировок среди духовенства Пермской епархии»¹⁰, которая преодолевалась наказанием ярких лидеров: «Отец Степан проявил определенное самоволие, и я вынужден был переместить его в другой монастырь <...> как человека, которого

¹ 21.01.2008. Послание епископа Пермского и Соликамского Иринарха отцам благочинным и настоятелям храмов, наместникам и настоятельницам монастырей, всем пастырям, монашествующим и мирянам Пермской епархии Русской Православной Церкви (из архива автора).

² Там же.

³ Заявление Епископа Пермского и Соликамского Иринарха по делу об угрозах, направленных в виде SMS-сообщений. URL: bishop-irinarkh.ru/index.php?...article...2011-04-08...9 (дата обращения: 13. 06. 2016).

⁴ Проблемы и перспективы развития духовного (пастырского) образования в Пермской епархии. Доклад епископа Пермского и Соликамского Иринарха на совещании благочинных и членов Епархиального совета, наместников монастырей и руководителей епархиальных отделов Пермской епархии. URL: http://www.bishop-irinarkh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=81:-13-2009-&catid=5:2011-04-08-13-10-48&Itemid=9 (дата обращения: 13. 06. 2016).

⁵ Послание преосвященного Иринарха, епископа Пермского и Соликамского пастырям, монашествующим и мирянам Пермской и Соликамской епархии Русской Православной Церкви (16.07.2004).

⁶ Там же.

⁷ Послание преосвященного Иринарха, епископа Пермского и Соликамского пастырям, монашествующим и мирянам Пермской и Соликамской епархии Русской православной церкви от 16 июля 2004 г. URL: http://www.bishop-irinarkh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=62:-16-2004-&catid=4:2011-04-08-13-10-28&Itemid=8 (дата обращения: 13. 06. 2016).

⁸ Обзорно-аналитический доклад епископа Пермского и Соликамского Иринарха на епархиальном собрании «Семилетие пребывания на пермской кафедре». Пермь. 12 января 2008 г.

⁹ 13.08. 2009. Доклад епископа Пермского и Соликамского Иринарха на совещании благочинных и членов епархиального совета, наместников монастырей и руководителей епархиальных отделов пермской епархии на тему «Проблемы и перспективы развития духовного (пастырского) образования в Пермской епархии».

¹⁰ 02.07.2009. Его Святейшеству Святейшему патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу епископа Пермского и Соликамского Иринарха рапорт.

продвигали разные структуры и светская власть в качестве кандидата в епископы чтобы расколоть епархию, – этого я допустить не мог. Мать Мария тоже повела себя неправильно, некорректно. Попыталась диктовать епископу свои условия. Я ее отстранял от должности и потом вернул <...> посягать на власть никому не позволено, тем более, в церкви»¹. Для особо непослушных применялся церковный суд»².

Сложилась и практика церковных решений для нераскаявшихся, которые «пребывая в гордыни, продолжают упорствовать в содеянном <...> дерзают священнодействовать в состоянии запрещения по просьбе людей»³: отец Георгий Смирнов, выступавший против ИНН и паспортов нового образца, критикующий церковное начальство, поддерживающий бывшего епископа Анадырского и Чукотского Диомида, священник Виктор Зубарев, отказавшийся от участия в церковном суде и требующий светского разбирательства дела, не желающий менять место службы и игнорирующий церковные награды⁴, и другие, кого заменили на более лояльных, согласных на перемещение и передачу в краевой центр почитаемых предметов. После перевода Иринарха и назначения нового митрополита Мефодия (Немцова) интенсивность перестановок и взыскания была снижена, но осталась в качестве реальности церковной жизни, не обнаруживаемой вне церкви.

Священники на местах, рукоположением встроены в церковную иерархию, оказываются в двойственном положении. С одной стороны, они осознают необходимость подчинения, особенно при небольшом опыте служения: «страшнее, когда без опыта, то есть он ничего в жизни не видел, а его уже рукоположили. Он становится таким «младостарцем», который начинает повелевать. Вот такая болезнь страшнее присутствия или отсутствия высшего образования (Интервью 1). С другой же, оказываются неспособными закрыть глаза на ошибки вышестоящих: *«Есть стандарт, который прописан в книге «Священнический служебник» <...> минимальный стандарт, которого должны придерживаться православные. Существует, к сожалению, очень часто на архиерейской, почему то, службе уклонение от этого стандарта <...> Это касается чтения псалтири, положенных кафизм, которые сокращают до нельзя. И каноны сокращают. Вот это вот, к сожалению, происходит у нас на архиерейский богослужениях. И причем не только у нас»* (Интервью 1).

Приходской священник в подобных обстоятельствах оказывается обремененным набором обязательств – по отношению к вышестоящим, прихожанам, семье и себе самому, что может спровоцировать как разного рода кризисные состояния, так и разнообразные способы выхода из него.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Приходская жизнь Прикамья в настоящее время является незатронутой в рамках работ, посвященных Русской православной церкви в регионе. Большой частью они затрагивают исторический аспект местного православия, хотя и посвящены большому спектру исследовательских проблем. Поэтому в качестве референтных мною были использованы работы, посвященные клирикам других территорий России. Проведенный отечественными исследователями (Ропаква, 2016: 35-42; Белоногова, 2007: 54-78; Мишин, 2013: 68-82; Знаменский, 1873: 689-691; Стефанович, 2002: 266-270; Конюченко, 2003: 35-36; Сазонов, 2016: 69-75; Беговатов, 2022: 13 и далее) анализ ситуации в различные периоды истории отечественной церкви показал, что соответствие священника требованиям высшего руководства и ожиданиям

¹ Интервью епископа Иринарха 26 января 2007 г. газете «Звезда». URL: http://www.bishop-irinarkh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=58:-26-2007-&catid=6:2011-04-08-13-11-12&Itemid=10 (дата обращения 04. 04. 2006).

² Без веры порядка не будет. Интервью епископа Пермского и Соликамского Иринарха газете «Звезда» (№ 181, 29 октября 2004 г.).

³ 21.01.2008. Послание епископа Пермского и Соликамского Иринарха отцам благочинным и настоятелям храмов, наместникам и настоятельницам монастырей.

⁴ Указ настоятелю Свято-Троицкого храма в селе Троица Пермского района священнику Виктору Ефимовичу Зубареву (из архива автора).

прихожан зачастую оставалось недостижимым идеалом. Актуальные случаи отказа от сана не обсуждаются за пределами церкви, если не считать сайта «Ахилла»¹. В отечественной социологии религии также не сложился пласт литературы, посвященной обозначенной проблеме. Представляется, что ситуацию, сложившуюся в Пермской и Соликамской епархии, можно считать соответствующей общероссийскому контексту, поскольку проблемный фон совпадает с описываемым в рамках исследований в других регионах²: сходство ситуаций позволяет допустить сходство мотивов поведения.

В качестве проблемной ситуация ухода священников и их разочарования в пасторской деятельности к настоящему времени сложилась на пересечении нескольких аспектов церковной жизни. В постсоветский период клирики на приходах были призваны возродить православие, поэтому к ним изначально предъявлялись высокие требования: «помимо высокой нравственности, безупречной честности и истинно православной духовности, требуется еще и способность говорить языком современного человека, помогать в разрешении самых сложных проблем, которые ставит перед верующими современная действительность. Священнослужитель должен обладать широким кругозором, глубокими познаниями в разных областях, способностью вникнуть даже в те вопросы, которые выходят за рамки его «профессиональных» интересов и обязанностей» (Лопанцев, 2015: 203).

Подразумевалось, что реализация поставленных задач напрямую будет связана с тем, насколько священника окажется способным действовать на выбранной стезе: «В недавно вышедшем коллективном учебнике «Пастырское богословие» указывается, что «в центре любых положений пастырского богословия» стоит «личность пастыря» <...> Вопрос о развитии и становлении личности пастыря не поднимается <...> выделяется «начальный период священнического служения», которому свойственны специфические искушения. Остальные искушения вполне традиционно мыслятся как ошибки или «духовный недуг». В конечном счете эти искушения являются последствиями «неправильного духовного устройства пастыря», которого можно и необходимо избегать. Понятие «кризис» в жизни священника используется как тождественное понятию «искушение». Пониманию священства как единой универсальной нормы противостоит представление о постоянном развитии, происходящем как в служении, так и в жизни каждого священника. <...> Выделяемый этап служения и жизни священника, обозначаемый как «молодой» или «начинающий» священник, не соотношен с самим служением. <...> Однако нигде не затрагиваются личностные или внутренние причины различных пастырских искушений. Они всегда приравниваются к ошибочной реакции пастыря на какую-либо внешнюю ситуацию <...> кризисная риторика возникает только в связи с ситуациями, рассматриваемыми как внешние, они осмысляются, как противоречащие самому священству» (Емельянов, 2022: 32, 39).

Как видим, у истоков восстановления церковной жизни должна была находиться фигура высокообразованного пастыря, ориентирующегося как в богословских, так и в литургических вопросах, устойчивого к любым внешним и внутренним проблемам, соответствующего запросам современности. В реальности каждое из требований было скорректировано и социокультурным контекстом, и особенностями практики внутрицерковного взаимодействия.

¹ Бывший священник Влад Анцибор об уходе из РПЦ, вере и православии. URL: https://vk.com/video-185734524_456239405 (дата обращения 17. 05. 2006); Проблема ухода из священства требует рефлексии со стороны иерархов и церковного общества. URL: <https://ahilla.ru/problema-uhoda-iz-svyashhenstva-trebuets-refleksii-so-storony-ierarhov-i-tserkovnogo-obshhestva/> (дата обращения: 17. 05. 2006).

² Детальному анализу особенностей приходской деятельности священников и существующих проблемах посвящено издание: Абрамов П., Давыдов А. Пастыри и постройки. Как устроена жизнь православных приходов. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common place, 2025.

Система церковного образования не смогла эффективно отреагировать на институциональный запрос: «Руководство церкви <...> осознало, что ранее существовавшие и вновь открытые духовные семинарии не смогут <...> быстро восполнить кадровый дефицит. Поэтому было принято решение ускорить открытие духовных училищ <...> Исполнение этого решения было возложено на епархиальных архиереев, которые при определении профессиональных качеств будущих клириков исходили из своего видения программ подготовки священно- и церковнослужителей <...> Тем самым были созданы условия для снижения уровня подготовки священников. Главным <...> стал количественный показатель <...> медленно решались вопросы материального обеспечения учебного процесса, комплектования библиотечных фондов, подготовки учебно-методических пособий, формирования высококвалифицированного штата преподавателей. Использовались традиционные формы и методы обучения семинаристов» (Лопанцев, 2015: 201, 204). Учиться поступали не самые одаренные выпускники школ: «среди абитуриентов было мало лиц с высоким уровнем общешкольной подготовки. Не радовал и уровень их воцерковленности. Зачастую в епархиальных духовных школах отсутствовал конкурс» (Лопанцев, 2015: 204). У тех, кто начал служить в зрелом возрасте, были те же проблемы с уровнем подготовки: «Кто с каким образованием, я не знаю. Многие пришли из спецназа, кто-то из медицины, кто-то из других областей знаний. <...> Есть кто-то после школьной скамьи, едва отслужив в армии, а порой даже не отслужив. И таких посвящают» (Интервью 1).

Отметим, что для прихожанина искренность служения клирика может компенсировать его пробелы в образовании: «Концепт «священник как профессионал» подразумевает, что лицо необразованное, не владеющее культурой речи, знанием истории церкви и национального государства, не может быть хорошим профессионалом, тогда как концепт «священник как служитель» во главу угла ставит искренность веры и готовность к самоотречению во имя веры» (Морозов, 2016: 171). Однако любой душевный порыв может исчезнуть под натиском служебных и бытовых проблем.

Низкий уровень доходов приходского духовенства типичен для РПЦ МП: «Еще Л. Тихомиров (1886 г.) писал, что белое духовенство делает всю церковную работу и находится в крайне бедности, в отличие от черного» (Murvar, 1968:15). Даже оплачиваемая работа (получение зарплаты или денег от прихожан) рассматривается как милостыня «на церковь и на добрые дела»: «Священник живет на пожертвования, и <...> в некотором смысле оказывается изъятым из рыночных отношений» (Крихтова, 2019). Эта находимость вне рынка (Емельянов, Юдин, 2018) вполне соответствует народным представлениям о священнослужителе и не способствует повышению его благосостояния. От него много требуют, почти ничего не предлагая взамен.

Эта ситуация приводит к психологическим проблемам: «Среди мирян принято осуждать священника, если он что-то не то делает, когда он срывается, когда у него не хватает сил. Но никто не знает, каким путем этот священник идет, что для него значит отслужить Литургию, чего ему стоит вернуться домой после вечерней исповеди, выслушав десятки признаний. Архиерей может в один момент куда угодно перевести, не поинтересовавшись ни семейными обстоятельствами священника, ни состоянием его здоровья. У священника нет никаких инструментов защиты своих прав, он безгласен, единственная инстанция, к которой он может апеллировать, это его правящий архиерей. Священник может оказаться совершенно бесправным существом, как часто и бывает. Если у священника какой-то конфликт с архиереем, этот конфликт никогда не разрешается в пользу священника» (Орлова). Церковная вертикаль не подразумевает ни критики снизу, ни демократических решений: «И над всем этим епископ, который советов не спрашивает, но смиряет по полной. <...> Епископа <...> временами так домогают «крепкие» или «сильные» молитвенники, что он может утратить даже чувство меры и начать со своим смирением перегибать палку. <...> Будучи полностью зависимой от

капризов епископа или его фаворитов <...> жизнь рядовых священников способна сделаться совсем невыносимой. И особенно с финансовой точки зрения <...> то оказавшийся в немилости по каким-либо причинам священник не имеет никакого выхода из ситуации, кроме как «смиряться», то есть жить с утратой всяких жизненных интересов» (Бекшаев), совмещая служебный и личностный кризис.

Такие ситуации характерны не только для молодых клириков, но и для тех, кто посвятил служению большую часть жизни: «Этот период отмечен кризисом разочарования и необходимостью его пережить: «начинается разочарование, вот, а потом уже начинается нормальная работа». Это разочарование («унылый этап») может длиться довольно долго и закончиться потерей священства, как в начале, так и в конце этапа. Для его преодоления нужно не только осознать немоту и признать бесполезность части своих усилий: «с ними возишься, а результат нулевой», «все, что ты наметил, делаешь, нет никакого изменения качественного, качественного роста» (Емельянов, 2022: 45).

Теоретически у священнослужителя есть возможность справиться с кризисом – через обращение за помощью к семье, коллегам, руководству. Фактически он остается один на один со своими проблемами: «не каждому из священников в голову приходит такая светлая мысль – поговорить со своим архиереем. <...> между священником и архиереем, нет никакой связи, кроме циркулярного письма и указов. <...> Если у него добрая, хорошая, крепкая семья – есть надежда на то, что все будет хорошо. <...> Когда в семье возникают проблемы, служение идет насмарку, жизнь священника останавливается, он не в состоянии нести свой священнический крест, потому что у него нет вообще уже никакой поддержки. <...> Если бы не мамы, служить было бы вообще невозможно. Священник один на один со своими проблемами. А еще он один на один с человеком, который ему исповедуется» (Орлова).

Если клирик в ситуации кризиса выбирает не смирение, а сопротивление обстоятельством, его ждут порицание, наказания и, в особо тяжелых случаях – суд, легитимированный «Положением о церковных наказаниях клириков». Под понятие правонарушения попадают не только вероотступничество (VI. 1), переход к раскольникам (VI. 2), но также неповиновение распоряжениям патриарха (VI. 3) и епархиального архиерея (VII.1), оставление места службы и отказ от выезда к месту служения (VII.6), вынесение церковных вопросов на решение светского суда (VII.8), служение при запрете на него (VIII.7). Церковная дисциплина такова, что принявший сан оказывается мобилизованным в организационном отношении, когда любое отклонение от устава придает клирику статус нарушителя обустроенного порядка.

Апелляция к общественному мнению становится неэффективной, попытки настоять на своем и быть услышанным – невозможными, что, в конечном счете, провоцирует выбор стратегии эскапизма: «Этот вариант внешне выглядит менее болезненным, но фактически рождает достаточно проблем. <...> священники и дьяконы в подавляющей массе своей – люди крайне зависимые и почти абсолютно бесправные. Большинство из них не имеет иной профессии, кроме той, что получили по окончании церковного учебного заведения. А эта профессия <...> кроме как в Церкви, больше нигде не востребована. Поскольку Русская православная церковь представляет собой, позволительно будет сказать, административный монолит, то даже и переход в другую епархию осуществить не так-то и просто. <...> Да и к прочему смена епархии – это смена региона проживания, что очень накладно и не лишено стресса. <...> Есть еще вариант — уйти в «крепкие» или «сильные» молитвенники» (Бекшаев). В любом случае, от священника требуется мужество – оставаться в служении, преодолевая многочисленные требования, трудности и взыскания, либо принципиально изменить свою жизнь, поменяв одни невзгоды на другие.

Заключение (Conclusion). Обращение к церковным документам, исследовательским работам и локальным кейсам показывает, что случай отца Глеба является типичным для

современной (и не только) приходской жизни, с тем отличием, что в дореволюционный и советский периоды священник-эскапист не смог бы официально создать независимую религиозную общину. Кризис служебных отношений бывшего священника РПЦ был усугублен личностным, связанным с невыносимыми условиями быта и распространенным для приходских священников огромным объемом работы. Не стоит сбрасывать со счетов и личные качества клирика-эскаписта, которые подметил один из старейших священников митрополии: *«Ему надо было выбрать другой вид деятельности»* (Интервью 2). По особенностям своего характера человек оказался неспособным встроиться в давно сложившуюся систему взаимодействия и подчинения. Отсутствие опыта церковной жизни в детстве и юности в сочетании с дефицитом образования способствовали формированию неверных представлений о том, что на самом деле представляют собой жизненный путь священника и его профессия. Отцу Глебу Палкину повезло, что его физических и моральных сил хватало на социальную и благотворительную деятельность за пределами официальной церкви, с сохранением отношений с близкими и самоуважения.

Если же говорить о самом феномене ухода духовенства за пределы юрисдикции Московского патриархата, то я склонна считать его основной причиной не столько церковную дисциплину, которая может истощать духовно неподготовленного человека, не превращение священника в специалиста по всем вопросам, разруливающего многочисленные приходские проблемы, и даже не низкую зарплату значительной части клириков. Даже при соблюдении всех этих условий внутри церкви остается значительное количество служителей, которые – с разным уровнем подготовки и желания – несут пастырскую ношу. Большой объем нагрузки для служителя церкви не является характерной чертой именно РПЦ МП, с ним сталкиваются и пасторы евангельских церквей (Интервью 3), и имамы местных умм (Интервью 4). Авторитаризм руководства также не стоит считать ведущим фактором: в силовых структурах он реализован в неменьшей степени, что не приводит к оттоку служащих.

Ключевыми предпосылками эскапистских решений, как представляется, становятся релевантность психологического склада верующего выбираемой им религиозной системе и принципиальная возможность не только выбирать религиозную аффилиацию, но и самостоятельно конструировать доктринальные представления, критикуя существующие институты. Уход из привычной структуры становится возможным только при наличии правовых оснований (принцип свободы совести) и собственной моральной правоты. В дореволюционной России поп-расстрига становился маргиналом, а персональная экзегеза получала статус ереси. Значимость психологических особенностей индивида на фоне свободы выбора вероисповедания превращает современные религиозные сообщества в институты тестирования личных качеств и соответствующего отбора последователей. При благоприятном результате неопит закрепляется внутри религиозной структуры, в противном случае чаще продолжает религиозное искательство, и реже – создает свою точку социальной сборки.

Этот процесс, сочетающий элементы сознательного выбора и воздействия социальной среды, не является маркером кризиса РПЦ МП, в силу того что подобные уходы и расколы стали характерной чертой и крупных евангельских церквей, и небольших групп НРД¹. Это не выступление против церкви как института, не показатель ее неэффективности и несоответствия требованиям современности, а один из маркеров процесса секуляризации в целом.

¹ На территории Пермского края такими примерами могут служить раскол общины т.н. классических пятидесятников и создание церкви «Свет истины» и «фильтрация» верующих в рамках новых религиозных сообществ «Семья Божия» и «Покровская обитель».

Список литературы

- Беговатов Д. А. Приходская жизнь в Калининской епархии в 1950 г. по данным церковной отчетности и в воспоминаниях современников // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2022. № 4 (64). С. 5-21. DOI: 10.26456/vthistory/2022.4.005-021. EDN: VFOPCK.
- Бекшаев И. Вторая профессия для священника: у РПЦ финансовые трудности? URL: <https://regnum.ru/article/2228623> (дата обращения 18.02.2025)
- Белоногова Ю. И. Служба и материальное обеспечение приходского духовенства Московской епархии в начале XX в. // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 3 (24). С. 54-78. EDN: JTYVUL.
- Емельянов Н. Н. Кризисы и этапы в служении и жизни священника // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 99. С. 30-56. DOI: 10.15382/sturI202299.30-56. EDN: QGSRKS.
- Емельянов Н. Н., Юдин Г. Б. Структурная позиция священника в системах дарообмена // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 9-29. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-9-29. EDN: YNNFKX.
- Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси: Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб., 1873. 855 с.
- Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. Москва: «Логос», 1999. 384 с.
- Конюченко А. И. Материальная сторона быта православного приходского духовенства (на примере Оренбургской епархии в XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2 (16). С. 29-43. EDN: QIOYJN.
- Крихтова Т. М. Распределение рабочих времязатрат современных православных священников // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 223-238. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.13. EDN: XDEIBD.
- Лопанцев Ю. М. Формирование модели современного священника в процессе реформирования системы духовного образования Русской Православной Церкви (по Соборным постановлениям и докладам иерархов Русской православной церкви) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 9-10 (104). С. 200-209. EDN: VPIRBH.
- Мишин В. Приходское духовенство села Виноградово Московского уезда Московской епархии и крестьянский мир во второй половине XIX в. // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 4 (53). С. 68-82. EDN: RDXEJX.
- Морозов Е. М. Концепт профессионализма в служении современного православного священника // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 4. С. 167-182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.09. EDN: YFOSML.
- Орлова А. «Расстриги» – о выгорании, одиночестве и жертвах. URL: <https://www.pravmir.ru/rasstrigi-film-kak-povod-k-razgovoru/> (дата обращения 20.02.2025).
- Ропаква Е. Н. Православный приход во второй половине XIX века. Российская империя. Санкт-Петербургская епархия. Москва: СПбПДА, 2016. 349 с. ISBN: 978-5-906627-27-8. EDN: XDVTEТ.
- Рязанова С. В. Диалог Запада и Востока и феномен неоориенталистских культов. Дисс. на соискание уч. ст. канд. филос. н. На правах рукописи. Пермь, 1998. 185 с.
- Сазонов Д. И. Проблемы приходской жизни как показатель религиозного состояния общества в середине 60-х-начале 80-х гг. XX в. в СССР (по материалам центральной России). Вестник Брянского государственного университета. 2016 (3). С. 69-75. EDN: WROPQR.
- Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М., 2002. 346 с. ISBN: 5-85759-184-8. EDN: SXHVCD.
- Щипков А. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. URL: http://www.religare.ru/2_7152.html (дата обращения 13. 06. 2016).
- Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category // A reader in the anthropology of religion. Michael Lambek ed. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. Pp. 110-126.
- Dobbelaere K. Assessing secularization theory // New Approaches to the Study of Religion. Berlin, 2004. Vol. 2. Pp. 229-253.
- Johnson M. A. Silent conspiracy? Some ethical issues of participant observation in nursing research // International Journal of Nursing Studies. 1992. №29. Pp. 213-223.

Kisala R. Urbanization and religion // *New Approaches to the Study of Religion*. Berlin, 2004. Vol. 2. Pp. 255-274.

Krech V., Rademacher M. Sequence analysis // *The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion*. 2021. 2nd Ed. London: Routledge. Pp. 445-460.

Mayring Ph. *Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken*. Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 1983. 135 p.

Murvar V. Russian Religious Structures: a Study in Persistent Church Subsistence // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1968. Vol. 7, № 1. Pp. 1-22.

Overmann U., Allert T., Konau E., Krambeck J. Die Methodologie einer «objektiven Hermeneutik» und ihre allgemeine forschungslogische Bedeutung in den Sozialwissenschaften // *Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften*. Stuttgart: Metzler, 1979. Pp. 352-434.

Waddington D. Participant observation // *Essential guide to qualitative methods in organizational research*. Edited by C. Cassell and G. Symon. SAGE. London, 2004. Pp. 154-164.

References

Begovatov, D. A. (2022), “Parish life in the Kalinin Diocese in 1950 according to church records and in the memoirs of contemporaries”, *Vestnik TvGU. Seriya “Istoriya”*, 4 (64), 5-21, DOI: 10.26456/vthistory/2022.4.005-021, EDN: VFOPCK. (In Russian)

Bekshaev, I. (2017), *Vtoraya professiya dlya svyashchennika: u RPTS finansovyye trudnosti?* [A Second Profession for a Priest: Is the Russian Orthodox Church Facing Financial Difficulties?], available at: <https://regnum.ru/article/2228623> (accessed 18 February 2025). (In Russian)

Belonogova, YU. I. (2007), “The service and financial support of the parish clergy of the Moscow Diocese in the early twentieth century”, *Vestnik PSTGU. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 3 (24), 54-78, EDN: JTYVUL. (In Russian)

Yemelyanov, N. N. (2022), “Crises and stages in the ministry and life of a priest”, *Bulletin of PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies*, (99), 30-56, DOI: 10.15382/sturI202299.30-56, EDN: QGSRKS. (In Russian)

Yemelianov, N. N. and Yudin, G. B. (2018), “Structural position of the priest in a gift exchange systems”, *Russian Sociological Review*, 17 (3), 9-29, DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-9-29, EDN: YNNFKX. (In Russian)

Znamensky, P. V. (1873), *Prikhodskoe dukhovenstvo na Rusi: Prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra* [The parish clergy in Russia: The parish clergy in Russia since Peter's reforms.], St. Peterburg, Russia. (In Russian)

Kovalev, E. M. and Steinberg, I. E. (1999), *Kachestvennyye metody v polevykh sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [Qualitative methods in field sociological research], Logos, Moscow, Russia. (In Russian)

Konyuchenko, A. I. (2003), “The material side of the life of the Orthodox parish clergy (on the example of the Orenburg Diocese in the 19th – early 20th century”, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (16), 29-43, EDN: QIOYJN. (In Russian)

Krikhtova, T. M. (2019), “Distribution of working time of modern Orthodox priests”, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, (3), 223-238, DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.13, EDN: XDEIBD. (In Russian)

Lopantsev, Yu. M. (2015), “Formation of a Model of a Modern Priest in the Process of Reforming the System of Theological Education of the Russian Orthodox Church (according to the Council Resolutions and Reports of the Hierarchs of the Russian Orthodox Church)”, *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 9-10 (104), 200-209, EDN: VPIRBH. (In Russian)

Mishin, V. (2013), “The parish clergy of the village of Vinogradovo in the Moscow District of the Moscow Diocese and the peasant world in the second half of the 19th century”, *Vestnik PSTGU. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 4 (53), 68-82, EDN: RDXEJX. (In Russian)

Morozov, E. M. (2016), “The concept of professionalism in the ministry of a modern Orthodox priest”, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, (4), 167-182, DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.09, EDN: YFOSML. (In Russian)

Orlova, A. (2013), “*Rasstrigi*” – o vygoranii, odinochestve i zhertvakh [“The Unfrocked” – about burnout, loneliness, and sacrifice], available at: <https://www.pravmir.ru/rasstrigi-film-kak-povod-k-razgovoru/> (Accessed 20 February 2025). (In Russian)

Ropakova, E. N. (2016), *Pravoslavnyy prikhod vo vtoroy polovine XIX veka. Rossiyskaya imperiya* [Orthodox Parish in the Second Half of the 19th Century. Russian Empire], St. Petersburg Diocese, SPbPDA, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-906627-27-8, EDN: XDVTET. (In Russian)

Ryazanova, S. V. (1998), *Dialog Zapada i Vostoka i fenomen neooriyentalistskikh kultov* [Dialogue between West and East and the Phenomenon of Neo-Orientalist Cults], Diss. for the degree of Cand. Sci. (Philos.), Manuscript, Perm, Russia. (In Russian)

Sazonov, D. I. (2016), "The problems of parish life as an indicator of the religious state of society in the mid-60s-early 80s of the twentieth century in the USSR (based on materials from central Russia)", *Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta*, (3), 69-75, EDN: WROPQP. (In Russian)

Stefanovich, P. S. (2002), *Prikhod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI-XVII vekah* [Parish and parish clergy in Russia in the XVI-XVII centuries], Moscow, Russia, ISBN: 5-85759-184-8, EDN: SXHVCD. (In Russian)

Shchipkov, A. (2003), *Vo chto verit Rossiya. Religioznye protsessy v postperestroynoy Rossii* [What Russia Believes. Religious Processes in Post-Perestroika Russia], available at: http://www.religare.ru/2_7152.html (Accessed 13 June 2016). (In Russian)

Asad, T. (2008), "The Construction of Religion as an Anthropological Category", *A reader in the anthropology of religion*, Michael Lambek ed. Malden, MA: Blackwell Publishing, United Kingdom, 110-126.

Dobbelaere, K. (2004), "Assesing secularization theory", *New Approaches to the Study of Religion*, Berlin, Germany, (2), 229-253.

Johnson, M. (1992), "A Silent conspiracy? Some ethical issues of participant observation in nursing research", *International Journal of Nursing Studies*, 29, 213-223.

Kisala, R. (2004), "Urbanization and religion", *New Approaches to the Study of Religion*, Berlin, Germany, (2), 255-274.

Krech, V. and Rademacher, M. (2021), "Sequence analysis", *The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion*, 2nd ed. London: Routledge, United Kingdom, 445-460.

Mayring, Ph. (1983), *Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken*, Beltz Verlag, Weinheim und Basel, Germany.

Murvar, V. (1968), "Russian Religious Structures: a Study in Persistent Church Subsistence", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 7(1), 1-22.

Oevermann, U., Allert, T., Konau, E. und Krambeck, J. (1979), "Die Methodologie einer «objektiven Hermeneutik» und ihre allgemeine forschungslogische Bedeutung in den Sozialwissenschaften", *Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften*, Metzler, Stuttgart, Germany, 352-434.

Waddington, D. (2004), "Participant observation", *Essential guide to qualitative methods in organizational research*, Edited by C. Cassell and G. Symon, SAGE, London, United Kingdom, 154-164.

Статья поступила в редакцию 08 апреля 2026 г. Поступила после доработки 14 мая 2026 г. Принята к печати 01 июня 2026 г.

Received 08 April 2026. Revised 14 May 2026. Accepted 01 June 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Пермь, Россия.

Svetlana V. Riazanova, Doctor Philosophical Sciences, Associate Professor, Lead Researcher, Institute for Humanitarian Research, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia.